

Прието Карлос

10.12.03.

КАРЛОС ПРИЕТО:

Кудьтура - 2003. - 11-10 дек. - с. 13 С госпожой Челло я неразлучен

Выдающийся мексиканский виолончелист Карлос ПРИЕТО совсем недавно выступил в Москве и Санкт-Петербурге, а по дороге на два дня заглянул в Оренбург. В этот город на Южном Урале музыкант приехал не один. Вместе с ним летели супруга Исабель и госпожа Челло Прието —

под таким именем виолончель работы Антонио Страдивари, изготовленная в 1720 году в итальянской Кремонне, уже 25 лет сопровождает мастера в его бесчисленных гастрольях по всему миру. Карлос Прието, выступавший с Королевским филармоническим оркестром Лондона, Берлинским симфоническим оркестром, Национальным оркестром Испании и Американским симфоническим оркестром, неоднократно покорявший своими сольными выступлениями публику в Карнеги-холле и Линкольн-центре в Нью-Йорке, в вашингтонском Кеннеди-центре и самых престижных концертных залах Берлина, Лондона, Парижа, Мадрида, Буэнос-Айреса, Дели, Ленинграда, Москвы, в очередной раз поддавался душевному порыву. Если несколько десятилетий назад молодой мексиканский парень решил во что бы то ни стало выучить русский язык под впечатлением, произведенным на него музыкой Шостаковича, то в Оренбург Карлоса Прието привело горячее желание познакомиться с городом детства своего давнего знакомого — Мстислава Ростроповича. Здесь, на границе Европы и Азии, и было записано это интервью.

— Господин Прието, вопрос, который хочется задать буквально в первые минуты: где вы так овладели русским языком?

— Я начинал учить русский в Бостоне. В 1959 году мне случайно довелось два часа работать в качестве личного переводчика Анастаса Микояна — он возглавлял советскую делегацию в Мексике, а его переводчик внезапно заболел. Удивившись, что мексиканец столь хорошо говорит по-русски, Микоян спросил, не хочу

ли я пройти стажировку в СССР. Я с готовностью согласился. А три года спустя меня пригласил посол СССР в Мехико и сообщил, что я зачислен на стажировку в Московский государственный университет. Там я провел три незабываемых месяца.

— Вы закончили Технологический институт Массачусетса, а как же музыка? Как виолончель пришла в вашу жизнь?

— Это случилось еще до моего рождения. В нашей семье была очень сильна музыкальная традиция. Моя мама купила мне маленькую виолончель, когда я еще не появился на свет. Заниматься я начал в четыре года, но выбор инструмента был все-таки достаточно случаен: в существовавшем на тот момент семейном струнном «квартете Прието» не хватало виолончели — бабушка, игравшая на ней, умерла. Я пришел на ее место. Меня никто не заставлял заниматься музыкой, я любил играть. Вместе с младшим братом, папой и мамой мы образовали позже «второй струнный квартет Прието». Сейчас со мной и моим братом играют наши сыновья — это уже третий семейный квартет, но профессиональных музыкантов в нем двое: я и мой сын, который играет на скрипке и дирижирует.

— На встречу с оренбуржцами в областной библиотеке вы принесли свои книги. Две из них посвящены СССР и России. Удивительно, что в вашем напряженном графике постоянно концертирующего виолончелиста находится время для написания книг!

— Свое первое произведение я написал в 1962 году, когда жил в Москве. Книга называется «Русские письма». Мое пребывание здесь было настолько интересным, что я каждый день делал записи в своем дневнике, который потом превратился в солидный томик воспоминаний. В 1988 году появилась книга «Вокруг земли с виолончелью». В 1993 году, после моего последнего приезда в вашу страну, я издал «Из СССР в Россию». В конце



К. Прието

90-х вышли «Приключения виолончели. Истории и воспоминания» и «Дороги и образы музыки».

— «Приключения виолончели» — по сути биография вашего бесценного инструмента, но это не просто исследование. Как правило, с изделиями работы Страдивари связано много историй...

— Вот эти истории, смешные и грустные, я и изложил в своей книге. Например, после почти двухвековых скитаний моя виолончель оказалась в Берлине, в семье Франческо Мендельсона. С приходом нацистов к власти он решил покинуть Германию, но перед ним возникла дилемма: ему позволили эмигрировать, но по закону евреям запрещалось вывозить из страны предметы старины и искусства,

не волнует полицейских. Тогда место дешевой виолончели занял бесценный инструмент. Дрожа от страха Мендельсон в свое обычное время пересек границу нацистской Германии. Назад он, естественно, уже не вернулся.

— А как случилось, что эта виолончель получила вашу фамилию?

— Вы, наверное, знаете, что такой редкий инструмент нельзя сдавать в багаж, когда летаешь самолетами. Поэтому уже 25 лет я всегда приобретаю для нее отдельный билет. В первое время мне приходилось тратить на это уйму времени, так как служащие авиакомпаний не знали, как выписать билет для виолончели. В конце концов моя жена предложила дать инструменту имя — Челло Прието. Челло — значит виолончель, но это же и мексиканское женское имя. С тех пор проблем стало меньше. А однажды, когда я летел из Нью-Йорка в Бостон и выкупал зарезервированные билеты, то служащая авиакомпании удивилась: «А где же миссис Прието?» Я показал на футляр и сказал: «Там!» После некоторого замешательства девушка за компьютером заинтересовалась возрастом моей спутницы, а услышав ответ: «280 лет», не моргнув глазом оформила билет со скидкой для пенсионного возраста.

— Расскажите, что связывало вас с Игорем Стравинским?

— Я помню его с четырехлетнего возраста. Каждый раз, когда он приезжал в Мексику, то бывал у нас дома. У него с родителями были самые теплые отношения. Я помню, что в его последний приезд в Мексику мы ходили на корриду. После этого мы увиделись, когда он вернулся в Москву. Я был тогда в СССР и из газет узнал о его возвращении. Это было невероятно! Я ведь знал официальное отношение к нему советских критиков, читал статьи в журнале «Советская музыка». И вот его пригласили в СССР, а он принял это приглашение!

Я сразу же поехал к нему в гостиницу «Националь» и застал его не менее удивленным и взволнованным, чем я сам. Мне тогда было 25 лет. Стравинский пригласил меня на все свои репетиции и концерты в Москве. Присутствовать на его триумфальном первом выступлении в СССР было для меня потрясающим событием. Он дирижировал «Весну священную». После концерта мы поехали ужинать в «Националь» с ним, его женой Верой, тогда еще молодым дирижером Робертом Крафтом и английским писателем Робертом Паркером — в узком кругу.

— После этого памятного пребывания в СССР вы приезжали в нашу страну еще не раз — с гастролью. Последний приезд пришелся на 1993 год...

— Этот приезд как раз не был гастрольным. Я тогда дописывал очередную книгу о России, в которой была глава, посвященная Шостаковичу. Мне нужен был материал, который я мог почерпнуть лишь из беседы с вдовой Шостаковича. Она и дочь Гала приняли меня дома, мы проговорили пять часов, после чего я вернулся в Мексику.

— О чем вы мечтаете? Есть ли у вас какое-нибудь несбывшееся желание?

— Я и моя семья всегда хотели побывать в Сибири, посмотреть эти города, природу. А еще... вы знаете, я сыграл более 80 совершенно новых произведений для виолончели. Но я всегда мечтаю еще о каком-нибудь новом произведении, которое станет шедевром. Так, через три дня я буду играть премьеру испанского концерта в Санкт-Петербурге. Через три недели у меня премьера произведения тоже испанского композитора в Мексике, через месяц — премьера сочинения мексиканского композитора. Я все время нахожусь в поиске шедевра — шедевра XXI века.

Беседу вел
Игорь ХРАМОВ